«НЕСКРОМНО – НА ИВРИТЕ «ЛЁ ЦНИУТ»

Эта публикация имеет экспериментальный и отчасти незаконный характер. Игорь Чацкин никогда не записывал свои стихи в таком конвенциональном виде. Напротив, он всегда разбивал их на предельно «модернистский» манер: по слову, а то и по слогу на строчку, перемежаемые избыточными скобками, точками и примечаниями. Соответственно и читал он их – в такой же прерывистой, полуразборчивой, как бы «гокетной» манере. Что было причиной этого? Некая брезгливость, дистанцированность, «noli me tangere», как акт защиты? Безусловно. Будучи доблестными учениками московского концептуализма, мы быстро (ведь это было самое легкое, безобязательно легкое!) усвоили запрет на «лирику» и говорение от себя. Говорить можно было только от лица автора-персонажа, какого-нибудь «жэковского художника», как у Кабакова, или «милицанера», как у Пригова. Соответственно, Чацкин тоже пытался изобрести себе подобие такого персонажа: нелепого, заикающегося модерниста-«Игорька», который заранее знает, что его все равно никто не будет слушать и понимать. И еще специфическое для Чацы (как его все и всегда называли) чувство неуместности, даже постыдности собственного пребывания в социуме. Свой последний цикл стихов он назвал «ЛЁ ЦНИУТ», что означает на иврите «нескромность». В то время как ему наверное хотелось быть отчаянно, издевательски и замкнуто «скромным». В самом последнем стихотворении, созданном за день или два до смерти (случившейся при так и не выясненных до конца обстоятельствах), он написал:

не завидую
заводить
где нибудь
чтобы не умирало
чем бы оно ни
пахло
где бы оно ни
лежало
пришло
сообщение из
рая и от
раи
первое на амхарском
второе
(плюс/минус бесконечность) и
то
ну..у..
я просто стесняюсь

Жизнь Игоря Чацкина складывалась тяжело, наверное, еще тяжелее, чем жизнь амхароговорящих выходцев из Эфиопии и Эритреи, заполонивших ныне окраины

израильских мегаполисов (хотя у кого тут есть право сравнивать). Он родился в Одессе в 1963 году, в эпоху перестройки и угара «современного русского искусства» пытался жить какое-то время в Москве, вернулся в Одессу, потом уехал в Израиль, потом опять в Одессу, опять в Израиль, где и умер в незадолго снятой до этого, после долгих мытарств, квартирке где-то в пригороде Тель-Авива, в 2016 году. Писал он всегда очень медленно и немного, порой вообще замолкая на несколько лет, хотя в нашем одесском кругу он всегда себя позиционировал в первую очередь именно как поэт, а не художник. Существует однако расхожее и, наверное, в чем-то справедливое мнение, что поэтам дано предчувствовать отпущенный им срок. Так или иначе, но в последние два года жизни в Израиле, почти оторванный (если не считать Гробманов) от художественной среды и контекста, он, что называется, «расписался». Порой выкладывал на фейсбук (где пребывал под типично «чациными» псевдонимами «Онхл» («он нес хуйню людям»), а затем – «Оннхл» («он не нес хуйни людям») по несколько стихотворений в день. Как-то он написал мне, что для него это просто форма разговора с самим собой – как единственно возможного теперь разговора. Будто заканчивая свой жизненный срок, он испытывал необходимость еще раз проговорить про себя всю эту сопровождавшую его жизнь шелуху слов – все эти фразочки, восклицания, присказки, отрывки из анекдотов. На русском, украинском, идише, иврите. Присовокупить к ним фрагменты собственных старых стихов, названия собственных работ, сложить все это в какие-то невесомые, арками скобок скрепленные, бумажные пагоды.

В большинстве своем мне очень нравились эти стихи, но опять-таки, смущала манера их записи – мне чудилась в ней какая-то неуместная опаска, в то время как просодические и смысловые достоинства их вполне бы выдержали кодифицированную запись. Я даже пошутил как-то, что на склоне лет, когда выйду на пенсию, займусь переписыванием его стихов. И сам послал ему нечто вроде следующего:

«Пожалуй, Чаца, ты боишься, перестраховываешься. А если бы ты напрягся, если бы ты почитал эти тексты людям – они ведь хотят их услышать, эти щебечущие тексты. Если только не бояться. О, мой Чаца. Не бояться смысла, погреба, подвала. Надо прыгать. Что там заслонять провал узорчатой дверцей – грязной деревянной вонючей дверцей – захаровской архивной декорацией – проклятой децимацией. Мы не захаровы, мы медведи, о мой Чаца! Пусть даже мы сойдем с гор раньше времени, в штанах мокрых экскрементами, мы сойдем с Альп раньше времени, мы сверзнемся в люк, мы будем брести медленно, срывая грибы. Для пропитания. Не ставь лишних точек, Чаца! Мы будем брести медленно и со вкусом, вразумительно, в штанах грязных, запачканных, срывая грибы.

(Мы будем брести на юг, медленно и вразумительно, отклоняясь слегка то к западу, то к востоку)».

Утверждения, конечно, довольно сомнительные, особенно в плане «людей, которые хотят услышать». Несомненно только, что «с горы» Чаца уже сошел, и, увы, действительно «раньше времени». Так или иначе, я взял на себя смелость переписать и теперь вот опубликовать хотя бы несколько его стихотворений так, как мне мерещилось. Думаю, Игорь простит. Кроме того, эта публикация может служить преддверием к сборнику его последних стихов, который готовится сейчас в Одессе в Музее современного искусства[1]. Там они, разумеется, будут опубликованы с сохранением авторской записи.

И еще одно оправдание. Мы с Игорем выросли в соседних домах в центре Одессы, учились в одном классе, потом опять оказались неподалеку друг от друга уже на одесских Черемушках и вместе ездили во всю ту же школу на знаменитом автобусе 133-го маршрута. Он мечтал быть тогда океанологом, а я – геологом. Как-то, стоя на излюбленной нами задней площадке, мы повздорили и в злой запальчивости предсказали друг другу: «А ты ведь никогда не будешь геологом!», «Ну и ты океанологом никогда не будешь!». Побились об заклад на какую-то отчаянную для нас тогда сумму рублей в 25. И то правда – ни тем, ни другим мы не стали. Стали вроде как «современными художниками». И все-таки мне кажется, что такое переписывание можно счесть подобием моего слоистого геологического редактирования его ручеистых потоков. Когда мы спускаемся с горы и медленно бредем к югу. Покачиваясь. Нескромно.

Юрий Лейдерман

Мемориальный кустик конопли
никто по мне и*[2] не посадит.
Гуляя под землёю вверх ногами,
овчарку ханаанскую внутри
ем, бабочек последних виды.
Сзади грибами пах я –
на иврите «ми»[3].

---

*Интерактивно

***

и в грусть
создателя природы

названье
бабочки пар-пар[4]
И.Чацкин

Рисуя по всему евреем,
А-шем[5] придумал карандаш,
фломастер розовый, мидраш,
портрет, мультфильм,
голых женщин джаз,
поэзию парко-садовую*,
архитектуру,
речные заводи (роман)
в бревне пустом
и из метеоризмов бухарских.
Поц. Аид[6]. Хуже фашиста.

---

*наоборот

***

Цвета, вкуса им, запаха.
Ты* в косынке рябой.
Pice, Труд, Май.
Выдувалась шарик из-под земли,
шестигранно конечная.
В золотых труселях
абсолютно как девочка.
Бутылированно
очень бульками плещется
на Тишинском б/у[7].
Голова. Рубль. Подсвечник.

---

*Вы

***

Арабкою весной,
еврейкой летом,
Европою мычащей под быком –
жовто китайцем остальным блакитним

из зеркала смотрящим
казна-що.
Всё заебало
по пути на небо.
Нескромно –
на иврите «лё цниут».

***

Харизма – слово из трёх букв –
имеет их намного больше:
хіба йобуть вола,
як дупа в Польщі.
Имея голову в Крыму,
нашедшему искусства
нет в раю
барвінків з часником.
Харизмой в борщик
не сцы в компот,
там водится художник.
Конечно, «в» по-украінськи – «у».

***

Это стихотворение будет всегда
написанным вчера –
все знакомые же
заканчивались на «ля».
Тавтологический клюм[8]
русского языка.
Неба чермные дыры*,
крышки, сонары,
другие места.
Все знакомые же
заканчивались на «ля».
Это стихотворение будет всегда
написанным вчера.

---

*дурочки

Из сборника «ВИД СНИЗУ»

Снежные бабы мимоз
нагуляли в кустах букеты,
получивший на водку Харон
чуть плетётся со скоростью света.
Бережённых туман бережёт,
под рассветом закопанных в небо,
плачь красиво – шуршанье слёз
посолило кусочек кожи.
Гренка с сыром, последний шпрот,
пахнет лето жаренным словом,
между пятен веснушек на нос
кровь послала со стуком сердце.
Снежные бабы мимоз
нагуляли с кустами букеты.

Из сборника «ВИД СНИЗУ»

По всему судя, прочь удаляясь
на весёлое аутодафе,
застрелился повешенный, гладя
глазом дырку в височной дуге.
Испытатель (профессия) пыток,
стыд и срам как прибиты к сосне.
В Монтенегро вернулся сам Йобан[9] убитый,
уже повар
Челенджер
Федра Ивановна
(сэндвич)
сволочь в ржаном лице.

Из сборника «ВИД СНИЗУ»

Куда в башке живёт сверчок?
Он, сука, кости-мозг грызёт.
Настенная кобылка, зуб,
пенопластом по стеклу

насвистывая дырке.
Поломанный скрипичный ключ
раз гадко под копирку:
«О!» – изменения!
На «О» – реанимация.
Обуйся,
не капризничай!

***

В море полощется флаг –
Глюк-композитор и Бах,
жук скарабей прикатил
на завтрак шар луны,
пушистый желток мимоз
гематомой воняет от роз,
камариха (наоборот)
в сисю втыкает кровь,
стадо крылатых па(н)д(л)
съело бамбуковый мост,
нет больше дальних стран –
путь под жир-юго-восторг,
лягви зеленый геволт[10],
ногтем лопнутый толстоклоп.
На плече просыпались моё «м» –
Вы когда-то в пыли ресниц*.
В море полощется флаг –
Глюк композитор и Бах,
жук-скарабей прикатил
на завтрак шар луны.

---

*...

***

Между снов слово «клюм» –
на иврите любимое.
Как паденье под стул
с твёрдым видом на липовой
по аллее верхом.
От заразы к засаде
шли дожди про росси(с)ю.
Кино: Чингачгук
в роли Гойки Митича[11].

***

Ирисы жёлтые и разноцветные,

компот на третье из них,
предмета жидкого водоверчение,
дна в дырку видно жидкий мир,
(подробно) план текущей местности
обратной стороны воды.
Жироблестят окрестности пространства
между кожей и кость(ми*):
дельфины, рыбы, осьминоги
мёртвой внешности,
в слезах под чаем труп вдовы.
Два раза жидкое видение
озёрных облаков,
утопленница ввысь.
Ирисы жёлтые и разноцветные,
компот на третье из них.

---

*нота

***

Подземных шёпот кар ворон,
и рак наоборот свистит,
наколка на клешне:
«товарищ Г-сподь Б-г».
Верёвка вьётся из губ рта,
под цвет помады гроб,
на мыло части полу-поп.
Засос от облаков, хрустит
хитиновая ночь
двуглавою пилой,
на избах слово хата блядь
нож пишет топором.

Из цикла «ЛЁ ЦНИУТ»

Когда всё будет хорошо,
тогда-нибудь и у природы
чур! – на картине Каналетто
«Возвращение бучинторо[12] в праздник Вознесения» –
женюсь барочно, без гондолы,

под Альбинони, там*, в папайевом саду.
А нынче негляже:
в окне хамсин
снимает с йом-кипура
плюс сорок два,
и в море дура**
из сна
полощет гроб носков.

---

*ляля
**пейзаж, лэнд-арт,

***

Вы страшного утра
вперёд наоборот,
коленями всех ног
по вялым всех задам,
мычание конфет
коровками в сенях,
хрустящий таракан
в остаточных зубах.
Жир-был толстый восток,
до грязного тоска
пустых носков, прилипших к потолку,
в районе – местный крест угол Альдебаран,
мишигенер[13] ноль семь
вы – страшного утра!

***

Ковры теряют свой узор
по злым стечениям обстоятельств,
продам две родины в хорошем состоянии
за что(*) угодно по цене одной.
Хохлы теряют свой узор
по злым стечениям обстоятельств,
в другом глазу не избежать
приблизившейся прочь пиздюли,
ебла воздушный шар надули,

на языке еврейском бабочка – «пар-пар»,
гефилте фиш[14],
по поту на базар[15],
сковорода с яиц снимает платья –
мозги теряют свой узор
по злым стечениям обстоятельств.

---

*?

***

Не знаю, кто за вами –
за мною прилетит
ползком подземный ангел,
по/в – адрес на потом.
Делит червяк часть тела,
берёзовый питон,
дубинка афро-белая
блондинке гематом,
фигурное катание
реки замёрзшей Стикс,
и рыбку съесть из проруби
кричащих «ай!» глазниц.
Не знаю, кто за Вами –
возможно Б-га мать,
скрипит кадиш любовница,
за мной не занимать.

---

1. Хотя по нынешним временам только Одесский Бог знает, что там вообще готовится или не готовится.

2. Примечания Чацкина, являющиеся частью стихотворений, даны так же, как он оформлял их сам. Мои примечания даны сносками. (Ю.Л.)

3. Кто (ивр.)

4. Бабочка (ивр.)

5. Б-г, Господь (ивр.)

6. Еврей (идиш)

7. Тишинский рынок – московский блошиный рынок

8. Ничего (ивр.)

9. Персонаж из анекдота про югославских партизан

10. Ужас (идиш)

11. Популярный в 60-70-е годы югославский актер, главный исполнитель индейских ролей в фильмах киностудии ДЕФА.

12. Церемониальная лодка венецианских дожей. У Каналетто действительно есть несколько картин на этот сюжет.

13. Сумасшедший (идиш)

14. Фаршированная рыба (идиш)

15. Последние месяцы жизни Игорь Чацкин работал подсобником на тель-авивском базаре